

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕМЛЕВСКИЙ ВЕТЕРИНАР

5

ВАЛИДОЛ

46

Вместо пролога

46

ДОНОР

61

КГБ ПРОСИТ ПОМОЩИ

105

ОТЛИЧНЫЙ УЛОВ

136

СТАРК

157

ОСАДОК НА ДУШЕ

194

СМЕРТЬ У БЕЛОГО ДОМА

226

ПОСЛАНЦЫ АНГЕЛОВ

252

Юта из Волгодонска

252

Жужа из Нью-Йорка

275

Бася из Москвы

296

МЕЧТАТЕЛЬНИЦЫ

310

КРЕМЛЕВСКИЙ ВЕТЕРИНАР

Белый мерседес плавно выехал из арки дома номер двадцать шесть по Кутузовскому проспекту. Начиная с шестидесятих годов этот дом своей известностью напрочь затмил знаменитый Дом на набережной, что напротив Кремля. И как не затмить, когда в нем проживали не «старые», всеми забытые большевики, работавшие еще с Ульяновым-Лениным, а совершенно новое поколение руководителей Советского государства.

Конечно же, встретить выходящего из подъезда, например, самого Леонида Ильича Брежнева, Николая Анисимовича Щёлокова или Юрия Владимировича Андропова было почти невозможно. Все первые лица страны постоянно жили на государственных дачах. Но в своих городских квартирах иногда появлялись. Поэтому порядок во дворе дома поддерживали на самом что ни на есть высоком образцовом уровне, здесь постоянно дежурила милиция. Так что незамеченным не пройдешь и тем более на машине не проедешь. К тому же за въездом и выездом автомобилей зорко следила ГАИ.

К моему немалому удивлению, лимузин, в котором я находился, немисливо нарушая правила дорожного движения, стремительно, почти что перпендикулярно, вырулил в крайний левый ряд многополосной правительственной трассы, смело пересек две сплошные разделительные линии дорожной разметки и, круто развернувшись, направился в сторону центра города. От такого отчаянного для автолюбителя маневра я затаил дыхание. Ведь подобное нарушение, как мне было хорошо известно, не могло остаться без внимания милиционера-гаишника, мимо

которого мы только что проехали. Однако никаких пронзительных свистков и стремительной погони за нами не последовало. Из любопытства я оглянулся. Мне отчетливо было видно, что офицер-гаишник как ни в чем не бывало по-прежнему спокойно восседал в своей высокой будке-стакане у самого выезда из прачильственного дома.

Бесшумно работал мощный, пятисотильный автомобильный мотор, приглушенно играла стереофоническая музыка, а запах дорогих французских духов приятно щекотал мои ноздри. Я прикрыл глаза, но по-настоящему расслабиться так и не смог. У моего напряженного состояния была вполне объяснимая причина. Она заключалась в том, что это была не какая-то развлекательная прогулка в шикарной машине молодой дамы.

Красивая женщина, сидевшая за рулем мерседеса, была владелицей моих пациентов и везла меня к своей приятельнице, где мне предстояло провести одну из самых значимых консультаций в своей врачебной практике.

Как мне было сказано, от того, насколько удастся визит и насколько окажется эффективным мое лечение тяжелобольной собаки, зависит настроение и покой всей семьи первого лица государства и вообще вся моя дальнейшая врачебная репутация не только в Москве, но и во всей стране...

Замечаю, как наша машина, не сбавляя скорости, проскакивает на запрещающий красный сигнал светофора и как молодцеватый подтянутый гаишник, стремительно перекрыв боковое движение, с улыбкой на лице лихо отдает нам честь. Еще бы, подумал я, ведь у шикарного мерседеса хорошо различимый

и запоминающийся номерной знак — четыре семерки. Наверное, до сведения каждого постового милиционера-гаишника правительственной трассы была своевременно доведена информация, кому принадлежит эта машина и кто может находиться за рулем. Офицер ГАИ, конечно же, хорошо знал, что владелец этого авто — Герой Социалистического Труда, генерал армии, министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щёлоков. А кроме того, он близкий друг и соратник самого Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Попробуй не отдать честь по воинскому уставу...

Пара секунд, и мы на Садовом кольце. Несколько метров, правый поворот, и мы оказываемся на тихой чистенькой улочке, названной в честь академика Щусева, знаменитого советского архитектора, по проекту которого в тридцатые годы были построены Мавзолей Ленина и так полюбившаяся всем горожанам столичная красавица — гостиница «Москва». Бывший Гранатный переулок был переименован в улицу Щусева совсем незадолго до появления на ней нового жилого дома из светло-желтого кирпича. В этом доме, уютно разместившемся за литым решетчатым чугунным забором, должен был поселиться сам Леонид Ильич Брежнев.

Но Леонид Ильич в свою квартиру на пятом этаже так и не переехал.

«Человек он очень скромный, да и квартира ему показалась слишком уж большой и роскошной, по сравнению с той, которая у него в доме двадцать шесть...» Так мне говорили о мотивах отказа переезда ближайшие родственники генсека. А под этой, единственной во всем доме пустующей огромной жилплощадью располагалась квартира немного поменьше. Вот в ней нас сегодня с нетерпением и ждали.

Не успел мерседес подрулить к подъезду и остановиться, как тут же из дома вышли две строгого вида дежурные, одетые

в одинаковую униформу серого цвета, и поприветствовали нас хорошо заученными фразами. Невестку министра, как я понял, они хорошо знали в лицо. Нонна Щёлокова была частым гостем этого дома.

Бесшумный финский лифт незаметно поднял нас на четвертый этаж. За это короткое время я успел изучить панель управления лифтом. По Москве ходили слухи (конечно, среди определенного круга людей), что новый дом генсека Брежнева имеет тайное сообщение с метро. Стоит только нажать определенную кнопку лифта, и он опустится на пятидесятиметровую глубину. Пройдя далее по небольшому подземному переходу, можно оказаться на станции метро «Баррикадная». Но, как я сумел воочию убедиться, на панели такой кнопки не оказалось. Все как в обычных кабинках финских лифтов. Может быть, только дополнительная ярко-красная кнопка, несколько большего размера по сравнению с остальными и четкой на ней надписью «Тревога», вносила какое-то небольшое отличие и подчеркивала важность этого дома.

Из лифта — направо. Нонна нажимает кнопку дверного звонка. Несколько секунд томительного ожидания, и дверь открылась...

Моему взору предстала хозяйка квартиры — улыбающаяся очаровательная женщина. Галину Леонидовну Брежневу, дочь первого лица самой могущественной во всем мире сверхдержавы, не узнать было просто невозможно.

«Вот уж действительно папина дочь...» — тут же пронеслось у меня в голове. До чего же она похожа на своего отца, и такая же открытая добрая улыбка.

Галина Леонидовна словно считала мои мысли. Она протянула мне для приветствия руку и, продолжая улыбаться, подтвердила, что все, кто ее первый раз видит, сразу же отмечают, что она папина дочь. Действительно, на красивом женском лице великолепные, не выщипанные в дань моде, яркие черные брови,

большие темные глаза миндалевидной формы и длинные густые ресницы. А еще ее взгляд выдавал в ней умную женщину.

Галина Леонидовна, на несколько секунд задержав мою руку в своей, тут же сделала мне приятный комплимент, сказав, что за этот месяц она от друзей слышала обо мне отзывы только как о лучшем ветеринаре. И сообщила, что у нее есть моя книжка о доврачебной помощи четвероногому другу, к которой в последнее время она вынуждена часто обращаться. При этом, кивнув в сторону Нонны, добавила, что Щёлоковы уж точно знают, кто из врачей Москвы хорошо лечит собак и кошек.

— Вначале сама хотела вам, Анатолий Евгеньевич, позвонить, — как бы оправдываясь и немного смущаясь, проговорила Галина Леонидовна. — Но потом подумала, что будет лучше, если первый раз это сделает Нонночка.

Я тут же поблагодарил Галину Леонидовну за оказанное мне доверие и подтвердил, что все, что она про меня слышала, соответствует действительности. В Институте вирусологии имени Д. И. Ивановского Академии медицинских наук СССР я весь день занимаюсь научной работой, уже подготовил к защите диссертацию. Вечерами — практика. В субботу и воскресенье полностью отдаю лечению четвероногих пациентов. Кроме того, работаю над следующей книгой, а в свободные минуты пытаюсь изобретать что-то для животных.

— Нам, владельцам животных, — сказала Галина Леонидовна, — будет очень приятно сознавать, что наш семейный ветеринарный доктор не только хороший врач, но к тому же кандидат наук. Правда, — добавила она, — он этого не поймет.

И, ловко подхватив на руки вышедшего из одной из комнат маленького, модно подстриженного щенка серебристого пуделя, передала его мне.

Приняв совсем невесомое юное создание с вытаращенными от страха темненькими глазками, я поднес его к своему лицу.

Несмотря на то что щенок, оказавшись в руках незнакомого человека, был сильно взволнован, он тут же, в знак дружелюбия, сделал отчаянную попытку лизнуть меня в губы. Чтобы как-то успокоить малыша, я позволил ему это сделать. Щенок тут же дал волю своим чувствам, и чем дольше он меня неистово лобзал, тем частые удары его крошечного сердечка становились все реже и реже. А это означало, что щенячий страх отступал, малыш начинал успокаиваться.

— Это наш маленький Элли, — сообщила Галина Леонидовна. — Подарок мужу от его друга — министра внутренних дел Германской Демократической Республики.

Затем, словно спохватившись, она предложила нам поудобнее расположиться в глубоких кожаных креслах и, извинившись, удалилась на кухню.

Признаюсь, я был несколько удивлен. Никаких «сорока нянек», теток, прислуги — никаких чужих в доме у дочери столь могущественного отца не оказалось.

Вскоре на столе появился красивый кофейный сервиз из дорогого антикварного майсенского фарфора и огромная, чуть меньше квадратного метра, яркого золотисто-красного цвета непечатая коробка шоколадных конфет фабрики «Красный Октябрь». Такие конфеты делались только по специальному заказу для особых кремлевских торжеств и в кондитерские магазины для продажи населению не поступали.

За кофе Галина Леонидовна продолжила свой рассказ об Элли, который к этому времени окончательно перестал волноваться и, развалившись на моих коленях, вытянув свое стриженое тельце, спокойно дремал.

— Дремлешь, Элличка, голубчик, дремлешь. Думаешь, доктор про тебя забыл, — обратилась к нему Галина Леонидовна. — Кстати, об уколах... Германский министр передал коробку с набором медикаментов — разные вакцины для прививок Элли. Я ее сразу

убрала в холодильник, даже не открывала. Сейчас, Анатолий Евгеньевич, принесу, и вы сами посмотрите, что в ней находится.

Коробка оказалась не просто коробкой. Настоящее термохранилище из пенопласта со специальным охлаждающим веществом. Такие контейнеры я уже встречал в своей практике. Это было последнее изобретение ученых. Благодаря такому устройству внутри контейнера длительное время удерживалась оптимальная температура, что предохраняло вакцину от перегрева или переохлаждения. Одним словом, обеспечивалась ее сохранность при длительной транспортировке или хранении. А так как контейнер к тому же находился в холодильнике, то никаких сомнений в качестве лекарственных препаратов у меня не возникло. Внутри контейнера, поверх целлофанового пакета, лежал «аусвайс» — немецкий документ, по-нашему — ветеринарный паспорт на собаку. В нем была отметка о сделанной щенку первой профилактической прививке — от чумы плотоядных.

Полной неожиданностью для меня оказалась вложенная в него записка с рекомендацией тамошнего ветеринарного врача. Новым владельцам собаки предлагалось обратиться по такому-то телефону к ветеринарному врачу — Баранову Анатолию. Телефон действительно был моим домашним. Это стало еще одним приятным сюрпризом.

Принимая участие в разговоре двух умных и очаровательных владельцев собак, я одновременно знакомился с содержимым контейнера. Кроме ветеринарного сертификата и письма-рекомендации моего немецкого коллеги-ветеринара, в коробке находились две ампулы вакцины фирмы «Дессау», которая, как следовало из сведения на этикетках, всего лишь защищала собак от одной чумы. Я обнаружил в посылке еще кое-что, от чего у меня сразу возник спазм дыхания, — два знакомых больших флакона нашей родной отечественной вакцины против бешенства животных.

Если немецкая вакцина от чумы собак была неживой и со-держала убитые вирусы, то вакцина против бешенства — живая. Кроме одного положительного свойства — вызывать у собак силь-ный и долгий иммунитет против бешенства — было и другое, крайне отрицательное.

Это последнее качество не только перечеркивало первое, но и представляло смертельную опасность для здоровья и жизни крохотного нежного существа, которого звали Элли. Впрочем, как и для других домашних собак, кто получил прививку подоб-ной вакциной.

Антирабическая фенол-вакцина в каждом флаконе содержа-ла десять доз для собак крупных пород, или пять доз для крупно-го рогатого скота или других сельскохозяйственных животных, причем размером с лошадь. Как известно, бешенством болеют все теплокровные. Вот и должна была эта вакцина одинаково и надежно защищать всех животных от смертельной болезни. Производство этого препарата в нашей стране было начато очень давно, в пятидесятые годы. Вакцина вызывала у собак хо-роший и длительный иммунитет, была действительно мощной и надежной защитой больших служебных и маленьких декора-тивных пород собак от страшной, тяжелой и неизлечимой бо-лезни. Но одновременно была грозным монстром, который мог запросто вызвать у домашних любимцев, особенно у нежных собак, таких как пудель, различные осложнения, опасные не только для здоровья, но и для жизни.

В случае если после вакцинации у коровы, быка или свиньи развивались осложнения — например, паралич конечностей, эпи-лептические припадки и что-то другое, — трагедии в этом сель-ские ветеринары не видели. Решалось все просто: вынужденный убой безымянного животного со сдачей туши на мясокомбинат.

А с домашней собакой — порой самым любимым членом семьи — дело обстояло совсем иначе. О трагических случаях,

когда после смерти животного в больницу с инфарктом миокарда, стенокардией или гипертоническим кризом попадал его хозяин, я как практикующий ветеринарный врач знал не понаслышке.

Несмотря на то что исследование этого животрепещущего вопроса, связанного с осложнениями у собак, было мной уже завершено и в ветеринарном журнале опубликована подробная статья, проблема в масштабах страны оставалась нерешенной. Вакцина часто давала осложнения, а новую, более современную, а самое главное, безопасную, никто создавать и не помышлял. Страна была занята производством дорогостоящих стратегических баллистических ракет.

Видя некоторое мое замешательство и смущение, Галина Леонидовна тут же поинтересовалась, что это я такое нехорошее нашел в посылке. В ответ мне пришлось прочитать дамам в краткой популярной форме лекцию по иммунологии и вакцинальному делу. А кроме того, пояснить, что, во-первых, вакцина немецкой фирмы «Дессау» защищает только от одного из самых распространенных и опасных заболеваний щенят — чумы; во-вторых, чтобы добиться хорошего результата, то есть надежного иммунитета, щенку необходимо ввести препарат не менее двух раз с интервалом три-четыре недели; в-третьих, два долгих месяца, которые потребуются для того, чтобы юный организм Элли смог выработать иммунитет, способный защитить себя от этой заразы, могут оказаться роковыми. Щенок из-за слабости действия вакцины будет все это время фактически беззащитным к инфекциям. Вирус чумы в условиях густонаселенного города с огромным количеством собак вездесущ, зол и коварен. Он не будет дожидаться выработки организмом Элли хорошего иммунитета. Не дай бог, во время нападения возбудителя на собаку иммунитет у нее окажется слабым! В этом случае заражение и заболевание щенка обеспечено на все сто процентов.

К тому же кроме чумы есть другие очень заразные и чрезвычайно распространенные болезни городских собак — гепатит, лептоспироз.

Если лептоспироз можно подхватить в основном за городом летом, то инфекционный гепатит, как и чуму, — элементарно во дворе своего дома, в подъезде или в лифте.

Вот у меня и возник вопрос: как быть со страшными инфекциями? Вакцины против этих болезней в посылке министра не оказалось. И быть при всем желании не могло, так как Германская Демократическая Республика такие биологические препараты не выпускала. Зато их выпускала другая Германия — Федеративная. А между ними находился сплошной высокий бетонный забор с колючей проволокой и пулевыми гнездами на вышках...

К вакцине «Дессау», как я уже обмолвился, у нас, ветеринарных врачей, были большие претензии. Будучи приготовленным из убитого вируса, препарат слишком медленно вызывал у привитых щенят выработку иммунитета. К тому же он оказывался слабым и ненадежным. У меня уже был достаточно богатый опыт по проведению вакцинации этим препаратом. Многих щенят, к горю их владельцев, восточногерманская вакцина по-настоящему так и не сумела защитить от коварной инфекционной болезни. Одним словом, работал препарат на слабую троечку.

Что же касается вакцины против бешенства, я тоже постарался как можно популярнее рассказать Галине Леонидовне о вероятных осложнениях у Элли в случае его прививки этой вакциной.

— Как же нам тогда быть, Анатолий Евгеньевич? — всплеснув руками, в неожиданно нахлынувшем на нее волнении

воскликнула Галина Леонидовна. — Ни в коем случае малышке нельзя вводить такую сильную вакцину, а то, действительно, вдруг нашего Элличку парализует. Он же не лошадь и не стокилограммовый бычок или корова... и даже не поросенок. Кошмар какой-то, а не вакцина.

Было видно, что Галина Леонидовна от всего услышанного очень расстроилась. Ее красивые глаза мгновенно стали влажными. Но это состояние длилось всего несколько мгновений. Она быстро овладела собой и, немного подумав, сказала, что такое положение дел с производством отечественной вакцины для домашних собак так оставлять больше нельзя.

— Совершенно верно. Тем более что в западных странах для прививок собак уже стали применять современные мягкие и в то же время эффективные вакцины. И они, как правило, не дают осложнений, потому что их готовят на культуре клеток, а не на мозге овец. Поэтому они так и называются — культуральные безаллергенные вакцины, — полностью поддержал я хозяйку серебрястого пуделька.

— Анатолий Евгеньевич! Давайте как-нибудь в выходной день подъедем с вами к папе на дачу и поговорим с ним и его помощниками об этой важной проблеме, — неожиданно предложила Галина Леонидовна. И продолжила: — Папа-то у меня не бывает. А в свою квартиру в этом доме он сразу отказался переезжать.

И кивком головы она показала на верхний этаж. Я сразу понял, о чем идет речь.

Предложение Галины Леонидовны съездить к ее отцу — первому лицу государства — и поговорить с ним и его помощниками о выпуске современных вакцин, а заодно о сухих и консервированных кормах для собак и кошек показалось для меня чрезвычайно важным и очень заманчивым. Я, вполне естественно, поблагодарил ее за предложение и, нисколько не раздумывая, дал свое согласие.

— Вот так живешь и не знаешь, что подстерегает наших любимых питомцев. Спасибо вам, Анатолий Евгеньевич, что осветили в этом совершенно не знакомом для нас деле. Мы же с самыми хорошими побуждениями каждый год, по весне, подхватывали своих собак и отправлялись на прививку в районную ветеринарную лечебницу. Конечно, инкогнито, чтобы там не узнали, чью собаку прививают. Хотели как все... И никто из врачей нашим собачкам перед прививкой ни разу не измерил температуру тела. А о том, что перед вакцинацией и после нее целых двадцать дней животных нельзя купать и стричь, дабы не возникло переохлаждения, и вообще о возможных осложнениях с появлением каких-либо воспалений и о том, что в мире есть современные вакцины, никто никогда нам не говорил, — задумчиво произнесла Нонна.

— Теперь мне многое стало понятным, — поддержала свою приятельницу Галина Леонидовна. — Вот отчего мамина болонка вскоре после прививки начинала хворать. И опять же, никто из врачей словом не обмолвился, что это могло быть проявлением последствий вакцинации именно против бешенства. Анатолий Евгеньевич! Скажите, можно ли лечить эти осложнения?

— Конечно же, можно, только сложно. Об этом я написал в журнале «Ветеринария», — гордо отвечал я Галине Леонидовне, совершенно не представляя, что подобным ответом сам себя загоняю в ловушку, из которой выбраться будет чрезвычайно сложно.

— Если бы врачи читали научные журналы! — с тяжелым вздохом произнесла Галина Леонидовна. — Тогда бы наши малыши болели гораздо меньше. Может быть, тогда скорее сделали бы мягкодействующие эффективные вакцины.

— Галя! — вдруг воскликнула Нонна. — Я нашла самый простой выход из этой жуткой ситуации! Завтра мой Игорь улетает на Запад, в командировку. Через три дня вернется. Он купит